

Улыбка и высококонтекстность традиционной русской культуры

Т.Г. Стефаненко МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия

Поступила: 20 ноября 2014/ Принята к публикации: 28 ноября 2014

The smile and the Russian high context traditional culture

Tatiana G. Stefanenko Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: November 20, 2014 / Accepted for publication: November 28, 2014

Русская культура характеризуется высокой степенью включения контекста при обмене информацией. Высококонтекстность русской культуры проявляется в особой значимости невербального поведения, в большой выразительности мимики. И, в то же время, как в обыденном сознании, так и в трудах культурологов и лингвистов подчеркивается неулыбчивость русского человека. В статье предпринята попытка показать, что высококонтекстность русской культуры XIX века отражалась, в том числе, и в значимости улыбки. Для доказательства этого предположения был проведен контент-анализ романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Результаты исследования продемонстрировали, что Толстой отразил в романе широкую распространенность улыбки как элемента невербального поведения русского человека (встречается более 550 слов с корнем «улыб», улыбаются более 80 персонажей романа – от главных до безымянных, от аристократов до крестьян). Великий русский писатель представил также богатство языковых средств для описания улыбок, часто одновременно отражающих несколько эмоций. Важнейшей для Толстого является коммуникативная функция улыбки, поскольку в процессе общения его герои, прежде всего, стремятся передать то, что они чувствуют, а не просто обменяться информацией. Улыбки и сопровождают речь, и выступают самостоятельным элементом коммуникации. Они сопутствуют самым значимым ситуациям в жизни персонажей – рождению, венчанию и даже смерти.

Нам представляется, что неулыбчивость и даже негативное отношение современных русских к улыбкам есть особенность не традиционной русской, а советской и постсоветской культур. Вместе с цивилизационными сдвигами XX века происходили и трансформации правил невербального выражения эмоций: за годы советской власти улыбки ушли и от них постепенно отвыкли. В статье выражается надежда на их возвращение в русскую (российскую) культуру.

Ключевые слова: высококонтекстная культура, невербальное поведение, правила выражения эмоций, «русская улыбка».

Russian culture is a high-context one, where a large amount of connotations are included in the process of informational exchange. This phenomenon is reflected in the special importance of nonverbal behaviour, mostly facial expressions. At the same time, the absence of smiling in Russian nonverbal communication is emphasized in numerous cultural studies and common sense.

The article makes an attempt to show that the high-context XIX century Russian culture could be described through the importance of a smile in communication. In order to prove this hypothesis, a content analysis of the novel «Anna Karenina» by Leo Tolstoy was carried out. Results of the research demonstrated that Tolstoy used the smile quite widely as one of the elements of nonverbal behavior of Russians (more than 550 words with a root «smile» were detected; it was also shown that more than 80 different characters (of different importance and class) do smile in the novel). Additionally, to describe smiles The Great Russian writer employed a rich range of linguistic tools, often expressing several emotions at once. The main function of the smile for Tolstoy is communion (obschenie) since the interaction between the characters is not just seen as an informational exchange, but rather an opportunity to reflect feelings. Smiles accompany the speech, and at the same time they are an independent part of communication. They coincide with the most significant events in the characters lives – birth, wedding and even death.

It is suggested that the lack of a smile, and even the negative attitude of modern Russians toward smiles, is not a traditional feature of Russian culture, but rather Soviet and Post-Soviet ones. The social changes of the XX century resulted in some transformations of the rules of nonverbal expression of emotions – during the years of the Soviet power people stopped smiling and the habit of smiling was gradually lost. The article expresses the hope for the return of a smile to the Russian culture.

Key words: high context culture, non-verbal behavior, display rules, «Russian smile».

Один из создателей субдисциплины, изучающей невербальное поведение человека, Э. Холл предложил измерение культур по степени включения контекста при обмене людьми информацией (Hall, 1977). При этом, высококонтекстными полагаются культуры, в которых при передаче информации люди склонны в большей степени обращать внимание на форму сообщения, на то как, а не на то что сказано. Для высококонтекстных культур характерна также дифференциация эмоциональных категорий, проявляющаяся в богатстве языковых средств для выражения эмоций и в значимости проявления эмоций при общении (Стефаненко, 2014; Stephan, Stephan, 1996).

Столкнувшись с улыбчивостью героев Л.Н. Толстого, я предприняла попытку «снять» это противоречие, тем более, что великий русский писатель является «зеркалом русской души», и мне уже приходилось заглядывать в это зеркало, анализируя обычай русских смотреть в глаза

С этой точки зрения русская культура высококонтекстная. Нельзя не согласиться с А. Вежбицкой, утверждающей, что в русской культуре мы наблюдаем «эмоциональность – ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций

В традиционной русской культуре высока значимость такого элемента оптико-кинетической системы знаков, как улыбка, что, как и многое другое, отражает ее высококонтекстность

и эмоциональных оттенков» (Вежбицкая, 1997, С. 33-34). Эту особенность русской культуры находят, например, в выборе окрашенных в определенные эмоциональные тона слов, в том числе, в вариантах имен (Вежбицкая, 1997; Берштам, 1988). Находят ее и в особой значимости невербального поведения, в частности, приписывая русским осо-

бую выразительность глаз, использование их «как эмоционального рецептора» (Эрикссон, 1996, С. 519).

Логично было бы вслед за Вежбицкой заключить, «что русские культурные нормы позволяют и даже поощряют большую выразительность мимики (в сфере эмоций)» (Вежбицкая, 1999, С. 535). Она делает такой вывод, подробно анализируя то, как русские люди выражают эмоции при помощи лица.

А как же улыбка, которая является важным элементом мимики, или движений лица, выражающих эмоции? Улыбка, появление которой, согласно данным психологии, связано с универсальными эмоциями удовольствия, а конкретнее, веселья, удовлетворенности, возбуждения, экстаза

и т.п. (Экман, 2010), что, впрочем, не отрицает возможности межкультурных вариаций в проявлении эмоций, в том числе, и улыбок. Многочисленные исследователи (культурологи и лингвисты), которые, казалось бы, досконально проанализировали особенности «русской улыбки» (Крейдли, 2002; Прохоров, Стернин, 2007; Тер-Минасова, 2000; Токарева, 2007) согла-

шаются с представлениями обыденного сознания о неулыбчивости и даже мрачности русских.

Эти выводы, противоречащие данным о высококонтекстности русской культуры, всегда меня удивляли, но, только перечитав в очередной раз роман «Анна Каренина», я неожиданно открыла для себя нечто новое – жившие в XIX веке герои

Л.Н. Толстого постоянно улыбаются при общении друг с другом и даже, ведя внутренний диалог. В первый раз в доступном мне издании слово («улыбаясь») появляется на второй странице романа (Толстой, 1952, т. 8, С. 6), а в последний раз («улыбнулась») – на предпоследней странице (Толстой, 1952, т. 9, С. 403).

Столкнувшись с улыбчивостью героев Л.Н. Толстого, я предприняла попытку «снять» это противоречие, тем более, что великий русский писатель является «зеркалом русской души», и мне уже приходилось заглядывать в это зеркало, анализируя обычай русских смотреть в глаза. В качестве примера ссылаюсь я тоже на роман «Анна Каренина» (Стефаненко, 2014).

Итак, я проанализировала книгу Толстого с исследовательскими целями, используя качественно-количественный метод анализа текста – контент-анализ (Богомолова, Малышева, Стефаненко, 2006). Был использован сплошной (терминологический) контент-анализ, при котором регистрировались, а затем подсчитывались все появления индикаторов категорий «улыбка» и «улыбаться», их производных и синонимов. Предпринята была также попытка учета оценочного отношения коммуникатора (Л.Н. Толстого) к улыбкам персонажей романа, которое проявлялось в основном в скрытой форме. Я не ставила перед собой задачу – на основе анализа одного, хотя и гениального, романа построить социально-психологическую типологию русских улыбок, подобную семантической, предложенной Г.Е. Крейдлиным (Крейдли, 2002). Задача ставилась куда более скромная – попытаться показать, что в традиционной русской культуре высока значимость такого элемента оптико-кинетической системы знаков, как улыбка, что, как и многое другое, отражает ее высококонтекстность.

Всего слов, начинающихся с «улыб...» (существительных, глаголов, причастий, деепричастий), на 857 страницах романа оказалось более 550. К улыбкам следует добавить, впрочем, весьма немногочисленные, «ухмылки» и «усмешки». Улыбаются более 80 персонажей романа: от главных героев до единожды появляющихся, от дворян до дворовых. Улыбаются Анна Аркадьевна, Алексей Александрович и Сережа Каренины, Долли и Стив Облонские и их дети Таня и Гриша, Вронский,

Татьяна Гавриловна Стефаненко – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
Автор 24 книг и большого количества статей в российских и зарубежных изданиях
E-mail: kcp@psy.msu.ru

его мать и свояченица Варя, Левин и его братья Сергей и Николай, князь и княгиня Щербацкие, Кити и ее маленький сын Митя, Натали и Арсений Львовы, Бетси Тверская и даже графиня Лидия Ивановна и мадам Шталь. Улыбаются и другие представители высшего сословия, вплоть до безымянных: губернского предводителя, полковника на водах, фрейлины, кавалергардского офицера и др.

Не менее улыбчивы и представители других сословий: адвокат, архитектор, священник, доктор, учитель Василий Лукнич, купец Рябинин, художник Михайлов, крестьянин Тит, крестьянин Мишка... Демонстрируют улыбки и многочисленные слуги героев романа (Карениных, Вронского, Щербацких, Левина): камердинеры, лакеи, швейцары, повар, экономка, «девушка», а также официант в ресторане, приказчик в магазине. Представляется, что Л.Н. Толстой не согласился бы с И.А. Стерниним, полагающим, что «улыбка обслуживающего персонала при исполнении служебных обязанностей в России всегда отсутствовала» (Прохоров, Стернин, 2007, С. 148).

Нельзя согласиться со Стерниним, во всяком случае, касательно России XIX века, и в том, что в русском коммуникативном поведении не принята «вежливая улыбка» или «дежурная улыбка» (Там же, С. 146). Именно дежурной улыбкой встречала княгиня Щербацкая гостей по четвергам, такую же улыбку демонстрировал Вронский, говоря с братом о неприятной для него вещи, но «зная, что глаза многих могут быть устремлены на них» (Толстой, 1952, т. 8, С. 206). И самый показательный пример: «только пройденная ею строгая школа воспитания» заставила Кити на несчастном для нее балу «делать то, чего от нее требовали, то есть танцевать, отвечать на вопросы, говорить, даже улыбаться» (Толстой, 1952, т. 8, С. 90; курсив мой – Т. Стефаненко). По-моему, невозможно заподозрить, что улыбка Кити в этой ситуации была искренней, и, в тоже время, считать, что во времена Толстого русский человек «настороженно или даже враждебно» относился к вежливым улыбкам (Прохоров, Стернин, 2007, С. 146). Другое дело, что Толстой и его современники, видимо, различали вежливые улыбки (писатель еще называет их «обычные, для всех») и улыбки притворные, которые несколько раз встречаются на страницах романа.

Кроме подобных улыбок мы встречаемся в романе со многими другими, которым гениальный носитель русского языка дал самые разные языковые обозначения. А я с помощью контент-анализа рассмотрела «способ исполнения» этих улыбок, то, какие эмоции они отражают, и их основные функции.

Начну с последнего. И снова я вступаю в заочную полемику со Стерниним, который рассматривает русскую улыбку прежде всего как «симптоматический сигнал хорошего настроения» и даже утверждает, что русское сознание как бы не видит в улыбке коммуникативного смысла (Прохоров, Стернин, 2007). Конечно, герои Толстого улыбаются от со-

зуются при взаимодействии с ними «в чистом виде». В романе доказательство этого мы видим в «именах» улыбок («ободряющая», «одобрительная», «успокаивающая», «вопросительная», «снисхождения», «дружелюбная», «виноватая», «дружеская, насмешливая», несколько раз просто «насмешливая», «презрительная»). Чемпионом по использованию улыбок при общении и в целом самым улыбчивым героем романа выступает Стива Облонский, в улыбках которого «было много доброты и почти детской нежности», которые «действовали смягчающе успокоительно, как миндальное масло» или просто обозначались Толстым как «миндальные».

Толстой и его современники, видимо, различали вежливые улыбки (писатель еще называет их «обычные, для всех») и улыбки притворные, которые несколько раз встречаются на страницах романа

знания привлекательности, от умиления, счастья, восторга и даже от хорошего пищеварения. Чаще всего к слову «улыбка» Толстой добавляет прилагательные «веселая» (10 раз) и «радостная» (13 раз). Иными словами, герои романа, улыбаясь, выражают многие эмоции, часто не одну, а несколько, поэтому имя улыбки оказывается «сложносочиненным» – «торжества и счастья» «ласково-холодная», «счастья и возбуждения»,

Толстой, описывая улыбку, нередко добавляет характеристики, отражающие отношение к людям – гуманистические и коммуникативные: «веселая и одобрительная», «веселая, дружелюбная», «спокойная и добродушная»

«блаженная и восторженная», «тихая, радостная, хотя и несколько грустная», «счастливая и скромно торжествующая».

Но даже в подобных случаях Толстой, описывая улыбку, нередко добавляет характеристики, отражающие отношение к людям – гуманистические и коммуникативные: «веселая и одобрительная», «веселая, дружелюбная», «спокойная и добродушная». Иными словами, как отмечает Крейдлин «...за улыбкой как невербальным средством выражения испытываемого чувства или переживания всегда стоят социальные мотивы, связанные, главным образом, с коммуникативным взаимодействием людей» (Крейдлин, 2002, С. 350).

Не менее часто мы встречаемся с улыбками, в которых проявляется отношение к людям и которые испол-

коммуникативную функцию улыбок мы можем четко проследить и при описании Толстым ситуаций взаимодействия его героев. Улыбки выступают, во-первых, как самостоятельный элемент коммуникации, когда Серпуховской улыбкой подзвал к себе Вронского, когда Кити улыбкой звала к себе мужа, когда Сергей Иванович молча улыбнулся Вареньке улыбкой, которая много говорила. Радостными улыбками обмениваются

персонажи романа при встрече. Так, Левин и Вронский, как все, кто встречался с Облонским, не могли не улыбнуться в ответ на его улыбку.

Во-вторых, улыбки сопровождают речь: герои с улыбкой здороваются, прощаются, благодарят. Впрочем, фразы типа «улыбнулся и сказал» встречаются редко. Если учесть то, что книга просто наполнена улыбками, это не кажется странным – видимо, для Толстого разговор в большинстве ситуаций взаимодействия просто не может не сопровождаться улыбками.

И речь действительно идет о самых значимых ситуациях в жизни героев романа. Во время венчания Левина и Кити, как представлялось жениху, хотелось улыбаться не только ему, но и священнику и дьякону, улыбались шаферы, а улыб-

ка радости Кити, сиявшая на ее просветлевшем лице, невольно сообщалась всем смотревшим на нее (Толстой, 1952, т. 9, С. 27)¹.

На следующем важном этапе своей жизни, рожая первенца, Кити тоже улыбается и успокаивает мужа улыбкой, и только совсем обессилев, она «и хотела и не могла улыбнуться» (Там же, С. 298). Улыбкой и кончается для Толстого жизнь человека: в очень важной для писателя главе – единственной из всех, имеющей название – «Смерть», у Николая Левина «выступила улыбка» вместе с концом земного существования (Толстой, 1952, т. 9, С. 78).

Персонажи Толстого могут улыбаться и одними глазами, но, даже если они улыбаются губами, писатель очень часто, чтобы описать переполняющие их эмоции, объединяет два элемента невербального поведения: улыбку и взгляд

Внутренний диалог героев Толстого также сопровождается улыбкой: они «с улыбкой думают», «улыбаются своим мыслям», «улыбаются при вопросе себе», «говорят себе с улыбкой», у них «улыбка в душе».

По-моему, все эти примеры свидетельствуют даже не о том, что русский человек не отличается от представителей других культур и народов, поскольку и у него одной из важнейших функций улыбки является функция коммуникативная. Они свидетельствуют о том, что улыбка широко используется русскими людьми при общении² (Бахтин, 1977). Если у англосаксов при communication, т.е. при обмене информацией, «важно то, что люди хотят сказать, а не то, что они в данный момент думают или чувствуют» (Вежбицкая, 2011, С. 416-417), то при общении русские люди (в том числе и герои Толстого) стремятся передать то, что они чувствуют и в этом им помогают имеющие социальное значение улыбки.

Причем улыбки в романе не только и не столько «растянутые в сторону губы» (Урысон, 2000, С. 365). Толстому одного рта (губ или зубов) для описания тех улыбок, которыми обмениваются его герои, недостаточно. Лишь Каренин, улыбки которого писатель характеризует как

самодовольные, презрительные, насмешливые, а усмешки как ядовитые, улыбается «холодной улыбкой одними губами» и улыбкой, «только открывавшею зубы, но ничего более не говорившею» (Толстой, 1952, т. 8, С. 222). Вронский уже после гибели Анны улыбается одним ртом, а глаза его «продолжали иметь сердито-страдающее выражение» (Там же, т. 9, С. 365). Еще можно вспомнить персонажа, но не русского, а англичанина, который «поморщился губами, желая выразить улыбку» (Там же, т. 8, С. 208).

Радостные, добрые, дружелюбные, милые и т.п. улыбки – это мимика всего лица. У героев Толстого лицо могло

просиять улыбкой, улыбка могла волноваться между глазами и губами, а у Анны в светлый момент ее жизни улыбка «как бы летала вокруг лица» (Там же, т. 9, С. 191). Персонажи Толстого могут улыбаться и одними глазами, но, даже если они улыбаются губами, писатель очень часто, чтобы описать переполняющие их эмоции, объединяет два элемента невербального поведения: улыбку и взгляд. Вот только два примера: «волнение, выбивавшееся то в улыбку, то во взгляд», «оживление, просившееся то в улыбку, то в глаза».

Мне представляется, что можно и дальше приводить примеры того, как Толстой отразил в своем романе широкую распространенность улыбки как элемента невербального поведения русского человека и представил богатство языковых средств для ее описания. Но, по-моему, достаточно одного, последнего – роман «Анна Каренина» заканчивается тем, как маленький Митя Левин, будучи в том возрасте, когда социальная значимость улыбки становится явной (Бутовская, 2004), просиял улыбкой, демонстрируя узнавание матери – Кити, которую, кстати, влюбленный в нее Левин в самом начале романа назвал «улыбкой».

Конечно, мною проанализирована только одна, хотя и великая книга, и я не готова к далекому идущим обобщениям.

И все-таки, приведу еще два почти случайных свидетельства. Первое – мы с детства помним, что А.С. Пушкин не любил уст румяных без улыбки. Второе – в «Частотном словаре рассказов А.И. Куприна» слово «улыбка» занимает вполне достойное место: среди 9510 слов, встретившихся более двух раз, делит 304-309 места, будучи упомянутой 111 раз. К этому нужно добавить, что глаголы «улыбаться» и «улыбнуться» упоминались Куприным 106 раз (Частотный словарь..., 2006).

И, в то же время, многие примеры неулыбчивости и даже негативного отношения к улыбкам современных русских, приводящиеся в работах Стернина и других авторов, не вызывают сомнений. На мой взгляд, это не особенность русской культуры, а особенность культуры советской и постсоветской. Меня повторяющиеся в разных работах свидетельства якобы изначально присущей русским бытовой неулыбчивости как особенности отечественной культуры не могут удовлетворить. Русский фольклор не поддерживает эту точку зрения, поскольку собранные В.И. Далем пословицы (типа «смех без причины...»), на которые обычно ссылаются, сплошь о смехе и шутках, но не об улыбках (Пословицы русского..., 1984). Не могу я согласиться и с тем, что в поэме Н.А. Некрасова «Мороз Красный нос» представлен идеал русской женщины, которая, конечно, «в горящую избу войдет», но не только «улыбается редко», но которой «не жалок нищий убогий» и у которой соседка не решится «ухвата, горшка попросить» (Некрасов, т. 2, С. 91). В русской коллективистской культуре, где, во-первых, чрезвычайно значим концепт милосердия, а во-вторых, нормативно поощряется зависимость от группы, а одалживание вещей способствует сохранению сети отношений, основанных на взаимности, такая героиня далека от идеала (Стефаненко, 2014).

Повторюсь, на мой взгляд, улыбчивость была элементом невербального поведения русского человека, но правила невербального выражения эмоций, обусловленные культурой (Екман, 1972), в нашей стране со сменой эпох и трансформацией культуры изменились, что проявилось

¹ Интересно, что во время венчания на губах Стивы Облонского улыбка замерла, потому что ему «почувствовалось», что в этот торжественный момент «всякая улыбка оскорбит» жениха и невесту. Впрочем, он ошибался.

² Одно это не переводимое на многие другие языки слово, выдающаяся, по мнению Вежбицкой, черта русского языка со всей очевидностью свидетельствует о высоконтекстности русской культуры.

в уменьшении использования улыбок при общении. Это косвенно можно подтвердить примерами из работ авторов, анализировавших русскую улыбку. Так, С.Г. Тер-Минасова приводит свидетельство из мемуаров Л.Д. Менделеевой-Блок, которая отмечает, что в нарождающемся советском обществе «ушла улыбка» и делает вывод «если ушла, значит, раньше существовала». Правда, она добавляет, что, видимо, ушла «формальная, светская улыбка, которая живет в западных обществах» (Тер-Минасова, 2000, С. 193), но с этим я согласиться не могу.

Реинтерпретации я подвергла и пример Г.Е. Крейдлина из романа М. Алданова «Начало конца». Попавший во Францию в середине 1930-х гг. бывший царский генерал, а ныне командарм Красной армии Тамирин, размышляя об отношениях к нему хозяйки и официанта парижского кафе, где он стал постоянным посетителем, отмечает, что в их «радостных улыб-

ках ... была человеческая приветливость, от которой он совершенно отвык в Москве» (Алданов, 1995, С. 128). Крейдлин приводит эту цитату как пример восприятия французских улыбок русским человеком. Я же могу сказать – отвык, значит, было от чего отвыкать.

Можно предположить, что в первые годы существования советского государства улыбки ушли, а в 1930-е годы от них уже отвыкли. Не буду пытаться анализировать причины и процесс ухода улыбок из арсенала невербального поведения русского человека, что требует серьезных исследований. Но смею надеяться, что их можно попытаться вернуть

Иначе говоря, можно предположить, что в первые годы существования советского государства улыбки ушли, а в 1930-е годы от них уже отвыкли. Не буду пытаться анализировать причины и процесс ухода улыбок из арсенала невербального поведения русского человека, что требует серьезных исследований. Но смею надеяться, что их можно

попытаться вернуть. А может быть, они уже возвращаются. Так, по словам французского критика художественный руководитель Академического симфонического оркестра Санкт-Петербургской филармонии, гениальный Юрий Темирканов добивается внимания оркестра

лишь взглядом и тенью улыбки. А оркестранты реагируют на эти знаки многочисленными улыбками...

P.S. Представляется, что, если бы Лев Николаевич Толстой сам писал сценарий недавнего многосерийного фильма Сергея Соловьева «Анна Каренина», актеры, следуя его ремаркам, улыбались бы значительно чаще.

Литература:

- Алданов М. Начало конца // Алданов М. Сочинения. В 6-ти кн. Кн. 4. – Москва : Новости, 1995. – С. 21-443.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1972.
- Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX-начала XX в. – Ленинград : Наука, 1988.
- Богомолова Н.Н. Контент-анализ / Н.Н. Богомолова, Н.Г. Малышева, Т.Г. Стефаненко // Социальная психология : практикум. – Москва : Аспект Пресс, 2006. – С. 131-162.
- Бутовская М.Л. Язык тела: Природа и культура / М.Л. Бутовская. – Москва : Научный мир, 2004.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая. – Москва : Языки русской культуры, 2011.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – Москва : Языки русской культуры, 1999.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва : Русские словари, 1997.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002.
- Некрасов Н.А. Стихотворения. В 3 т. Т. 2 / Н.А. Некрасов. – Москва : Советский писатель, 1956.
- Пословицы русского народа: сборник В. Даля. В 2 т. – Москва : Худож. лит., 1984.
- Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – Москва : Флинта : Наука, 2007.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : учебник для вузов Т.Г. Стефаненко. – 5-е изд. – Москва : Аспект Пресс, 2014.
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово/Slovo, 2000.
- Токарева М.А. Феномен улыбки в русской, английской и американской культуре : автореферат дис. ... канд. культурологии. – Москва, 2007.
- Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 14 т. Т. 8, 9. – Москва : Гос. изд-во художественной литературы, 1952.
- Урысон Е.В. Улыбка // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 365-368.
- Частотный словарь рассказов А.И. Куприна / под ред. Г.Я. Мартыненко. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
- Экман П. Психология эмоций / П. Экман. – Санкт-Петербург : Питер, 2010.
- Эриксон Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – Санкт-Петербург : Ленато : Аст : Фонд «Университетская книга», 1996.
- Ekman P. Universal and cultural differences in facial expression of emotion // Nebraska symposium on motivation, 1971. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1972. – P. 207-283.
- Hall E. Beyond culture. – New York: Anchor press, 1977.
- Stephan W.G., Stephan C.W. Intergroup relations. Madison etc.: Brown & Benchmark, 1996.

References:

- Aldanov, M. (1995) Nachalo kontsa [Beginning of the End]. Aldanov, M. Collected Essays. In 6 vol. Vol. 4. Moscow, Novosti, 21-443.
- Bakhtin, M.M. (1972) Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.
- Bernshtam, T.A. (1988) Molodezh' v obryadovoy zhizni russkoy obshchiny XIX-nachala XX v. [Youth in the ritual life of the Russian community of 19th-early 20th century]. Leningrad, Nauka.

- Bogomolov, N.N. (2006) Kontent-analiz [Content analysis]. Bogomolov, N.N., Malysheva, N.G., & Stefanenko, T.G. Sotsial'naya psikhologiya: praktikum [Social psychology: workshop]. Moscow, Aspekt Press, 131-162.
- Butovskaya, M.L. (2004) Yazyk tela: Priroda i kul'tura [Body Language: Nature and Culture]. Moscow, Nauchnyy mir.
- (2006) Chastotnyy slovar' rasskazov A.I. Kuprina [Frequency Dictionary of A.I. Kuprin's stories]. Ed. Martynenko, G.Y. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sanktpeterburgskogo universiteta.
- Ekman, P. (2010) Psikhologiya emotsiy [Psychology of emotions]. St. Petersburg, Sankt Petersburg.
- Erikson, E. (1996) Detstvo i obshchestvo [Childhood and Society]. St. Petersburg, Lenato, Ast, Fond «Universitetskaya kniga».
- Ekman, P. (1972) Universal and cultural differences in facial expression of emotion. Nebraska symposium on motivation, 1971. Lincoln, University of Nebraska Press. 207-283.
- Hall, E. (1977) Beyond culture. New York, Anchor press.
- Kreydlin, G.E. (2002) Neverbal'naya semiotika: yazyk tela i estestvennyy yazyk [Non-verbal semiotics: body language and natural language]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Nekrasov, N.A. (1956) Stikhotvoreniya [Poems]. In 3 vol. Vol. 2. Moscow, Sovetskiy pisatel'.
- (1984) Poslovitsy russkogo naroda: sbornik V. Dal'ya [Proverbs of the Russian people: V. Dal's collection. In 2 vol. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.
- Prokhorov, Yu.E. (2007) Russkie: kommunikativnoe povedenie [Russians: communicative behaviour]. Prokhorov, Yu.E., & Sternin, I.A. Moscow, Flinta, Nauka.
- Stefanenko, T.G. (2014) Etnopsihologiya: uchebnik dlya vuzov [Ethnopsychology: textbook for high schools]. 5th ed. Moscow, Aspekt Press.
- Ter-Minasova, S.G. (2000) Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language and Intercultural Communication]. Moscow, Slovo.
- Tokareva, M.A. (2007) Fenomen ulybki v russkoy, angliyskoy i amerikanskoy kul'ture: avtoreferat dissertatsiya kandidata kul'turologii [The phenomenon of smiles in Russian, English and American culture: Thesis, Ph.D. in Cultural Studies]. Moscow.
- Tolstoy, K.N. (1952) Sbranie sochineniy [Collected Essays]. In 14 v. V. 8-9. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
- Uryson, E.V. (2000) Ulybka [Smile]. Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka. Vtoroy vypusk [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. The second issue]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 365-368.
- Stephan, W.G., & Stephan C.W. (1996) Intergroup relations. Madison etc., Brown & Benchmark.
- Wierzbicka, A. (2011) Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty [Semantics universals and basic concepts]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury.
- Wierzbicka, A. (1999) Semanticheskie universalii i opisanie jazykov [Emotions across Languages and Cultures Diversity and Universals]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury.
- Wierzbicka, A. (1997) Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkie slovari.